

**Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах «Сэфер»**

Межрегиональный центр преподавания иврита

**Материалы Шестнадцатой
Ежегодной Международной
Междисциплинарной
конференции по иудаике**

Часть 1

Язык иврит: изучение и преподавание

**Академическая серия
Выпуск
Москва 2009**

**Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization
“Sefer”**

The Inter-Regional Centre of Hebrew Teaching

**Proceedings of the Sixteenth
Annual International
Conference on Jewish Studies**

Part 1

Hebrew Language: Study and Teaching

Moscow 2009

Общая редакция: Е.Б. Марьянчик, Ю.Н. Кондракова

Editorial Board:

Evgeny Marianchik, Julia Kondrakova

Published with the support of

The American Jewish Joint
Distribution Committee («Joint»);

Dutch Jewish Humanitarian Fund

© Центр научных работников и преподавателей

иудаики в вузах “Сэфер”, 2009

© Межрегиональный центр преподавания

иврита, 2009

© Коллектив авторов, 2009

К проблеме преодоления лингвоэтнического барьера в переводах современной ивритоязычной прозы

Современная израильская литература на иврите занимает значительное место в мировой художественной литературе и культуре. Произведения современных израильских писателей интересны и иноязычным читателям. Однако тот факт, что для большинства читателей, не владеющих ивритом, художественные произведения доступны только в переводах, создает определенные трудности как в восприятии смыслового, эстетического, эмоционального компонентов литературных произведений, так и в дальнейшем продвижении современной ивритоязычной литературы среди иноязычных читателей. Ключевым фактором ее успеха как у читателей, так и у критиков, зачастую является качество перевода. Но даже если перевод безупречен с точки зрения функциональных и языковых характеристик, иноязычного читателя все еще отделяют от переводного произведения текстовые и культурологические лакуны, незнание специфических реалий, отсутствие опыта восприятия незнакомой литературной традиции.

В современном переводоведении перевод рассматривается как языковое посредничество при общении разноязычных коммуникантов (т.е. межкультурном общении). Наиболее важной составляющей любой, в том числе и межкультурной коммуникации является коммуникативная компетенция человека, которая рассматривается как своего рода «миксер», соотносящий языковую и социальную компетенции, и результатом действия которого становится реорганизация высказывания в определенную форму [1, с. 29]. В процессе усвоения языка происходит овладение не только формой и содержанием знаковой системы, но также деятельностью, в структурах которых существуют эти знаки. Формирование коммуникативной компетенции – это овладение культурой, которая фиксирует развитие каждого народа. Даже представители одного лингвосоциокультурного сообщества, принадлежащие к разным социальным, профессиональным, религиозным группам в одинаковых ситуациях общения могут выражать разную

коммуникативную компетенцию, изменяя регистры и паралингвистические способы общения. Наиболее ярко разнообразие в способах реализации коммуникативной деятельности можно проследить при общении представителей разных лингвосоциокультурных сообществ. Иными словами, разным культурам присущи разные пути реализации действительности. Национально-культурная специфика общения будет проявляться на всех уровнях коммуникации: на уровне языка, речи и речевой деятельности.

В ситуациях межкультурного общения реализуется так называемая лингвистическая коммуникативная компетенция, являющаяся частью коммуникативной компетенции, которая обусловлена принадлежностью человека к определенному языковому и культурно-этническому коллективу [2, с. 100]. К лингвоэтнической коммуникативной компетенции относятся такие факты как знание определенного языка и норм языка, привычка к определенному способу высказывания в ситуации общения (узус), наличие преинформации (пресуппозиции) – предварительных знаний культурно-исторического и актуального социального характера, наличие национально-культурных стереотипов оценивания. Отсутствие любой из этих составляющих создает определенный барьер понимания. Такой барьер в ситуациях межкультурного общения принято называть *лингвоэтническим барьером* – т.е. расхождением преинформационных запасов коммуникантов. К преинформации лингвоэтнического характера относятся, прежде всего, сведения культурно-исторического, религиозного характера, социально-бытового характера. К лингвоэтническому барьеру необходимо отнести также все то, что не позволяет носителю языка перевода непосредственно воспринимать текст оригинала и реагировать на него точно так, как носитель культуры и языка этого оригинала. Лингвоэтнический барьер состоит из разных аспектов:

1. Расхождение двух языковых систем – языка оригинала и языка перевода. Объектом нашего исследования является контрастивный анализ языковых систем иврита и славянских языков (русского и украинского) на примерах современных художественных текстов. Не вдаваясь в детальный анализ всех

особенностей указанных языков, обратим внимание только на те, которые могут осложнить процесс перевода и понимания текста с позиции языкового мышления. Мы попытались выявить различия в системе сравниваемых языков: иврита, русского и украинского. Для подобного сравнения мы выбрали синхронический метод, а в качестве его конкретного применения – типологический анализ. В основе принципа типологического анализа мы использовали сравнение не отдельных категорий, выбор которых является субъективным и, как правило, необоснованным, а сравнение языковых систем в целом.

Определим некоторые отдельные явления украинского языка на уровне категоризации и субкатегоризации: звательный падеж единственного числа, выражение категории одушевленности, категория предикативности/атрибутивности, глагольная категория лица; на уровне морфем: родительный падеж существительных мужского рода единственного числа на *у*, дательный падеж существительных мужского рода единственного числа на *ову*; степени сравнения прилагательных, флексии прошедшего времени и условного наклонения, отсутствие энклитических форм личных местоимений.

Для иврита наиболее характерными являются специфическая корневая система, категория определенности, категория «смихут», притяжательный падеж существительных, сеголатные существительные, падеж направления, спряжение глаголов с корнями разной структуры.

2. Норма языка, которая рассматривается как своеобразный фильтр и отделяет верное употребление языковых моделей от неверного. Языковая норма реализуется, не как система правил, а конкретных высказываниях, реально функционирующих в данном языковом коллективе. Следует подчеркнуть, что относительно этого положения существуют достаточно весомые противоречия в современном иврите. Необходимо отметить, что лингвистические исследования нормы современного иврита проводить сложно по нескольким причинам: из-за недостаточного изучения этой проблемы в отечественной научной литературе, наличием широкого спектра мнений по этому вопросу израильских ученых, а также существованием

противоречивых форм в источниках. Некоторые исследователи отмечают, что «количество ошибок и конструкций, которые противоречат языковой норме, достаточно многочисленны и разнообразны в современных израильских художественных произведениях» [3, с. 194]. Исследование нормы современного иврита осложнено также из-за существующей разницы между повседневным ивритом и теми правилами употребления языка, которые устанавливаются Академией языка иврит. Негативное влияние на научное изучение нормы и узуса современного иврита оказывает тот факт, что в израильском лингвокультурном сообществе коллектив носителей языка реализует языковую норму по-разному. Поэтому разница между литературной и разговорной нормой является существенной. Необходимо также отметить, что в последние годы с появлением в литературной среде современного Израиля новых авторов, прежде всего таких как Этгар Керет, Йорам Канюк, Орли Кастель-Блюм, Ицхак Бен-Нер, Меир Шалев и других, существенно изменился стиль и текстовые характеристики ивритоязычной прозы. Большинство израильских и российских исследователей отмечают, что одной из характерных особенностей израильского иврита последней трети XX ст. стала определенная граница между разговорным ивритом и сленгом, граница которую трудно четко определить и описать. А.А. Крюков характеризует языковую ситуацию в Израиле следующим образом: «С 40-х годов прошлого столетия в современном иврите начинает увеличиваться количественный объем сленга, характеризующийся повышением его функциональной роли и широким распространением в речи. А вследствие того, что Израиль – страна с маленькой лингвогеографической территорией и относительно небольшим количеством населения, из которого не все говорят на иврите (новые репатрианты и часть арабского населения), процесс распространения сленговой лексики и фразеологии происходит быстро, практически всеохватывающе и она укореняется очень глубоко» [5, с. 28]. Такие тенденции в определенной степени нашли свое отражение в современной ивритской литературе. Достаточно часто сленговые лексико-фразеологические единицы быстро и естественно включаются в современный разговорный иврит и уже не считаются признаком и способом общения

исключительно одной возрастной или социально-профессиональной группы населения. «Размежевание между просторечием и сленгом является достаточно проблематичным, – отмечает выдающийся израильский филолог Рафаэль Нир. – Достаточно часто определенное высказывание считается сленговым в определенный период, но в силу высокого динамизма, характерного для лексики сленга, быстро входит в повседневное употребление и становится широко распространенным. Таким образом, ... определение границ между разговорным языком и сленгом весьма сложно» [4, с. 119]. Все выше сказанное позволяет нам присоединиться к выводам А.А. Крюкова относительно формирования и функционирования в Израиле в конце XX ст. нового иврита, особого лингвогеографического феномена, который фактически стал койне современного Израиля. В конце XX ст. в Израиле в целом завершился процесс формирования израильского койне, общий комплекс лексико-фразеологических, синтаксических, фонетических и экстралингвистических характеристик которого, позволяет говорить о доминировании в национальном языке разговорного компонента. В 1982 году профессор Еврейского университета в Иерусалиме Хаим Бланк констатировал факт закрепления «нового иврита» в Израиле: «В наши дни «разговорный иврит» – это первый, главный и в большинстве случаев единственный язык тех, кто родился в Израиле или переехал сюда в юном возрасте. Это национальный язык...» [5, с. 9]. Доминирующим явлением языковой ситуации Израиля в последние 20 – 30 лет стал процесс дальнейшего развития разговорного иврита в сторону ненормативных и сленговых тенденций. Такая тенденция характерна для всех сфер функционирования израильского койне – от иврита улиц до средств массовой информации, от художественной литературы до выступлений депутатов Кнессета.

3. По этим причинам усложняется также систематизация узуса. В языкознании термин «узус» (лат. *usus* – использование, употребление, привычка) рассматривается как общепринятое употребление языковой единицы, в отличие от его okazjiонального (случайного, индивидуального) употребления.

Понятие узуса связано с понятием стереотипа, поскольку фразы нашего языка в определенной степени являются стереотипными. Узус отображает языковые привычки носителей языка [6, с. 137]. Языковые и речевые стереотипы имеют двойную природу: не только ситуативную, но и тематическую. В разных ситуациях та или иная сторона узуса – тематическая или ситуативная – может реализоваться в большей или меньшей степени. Если неправильное использование языковых или речевых норм приводит к языковым или речевым ошибкам, то нарушение норм узуса приводит к социокультурным ошибкам, к поведенческому «акценту». Для современного этапа развития языка иврит характерна нечеткая норма узуса, отсутствие во многих случаях ситуативной или тематической обусловленности использования тех или иных речевых средств, отсутствие четкого разграничения сленга от лексических единиц нормативного языка. Такие нестойкие позиции нормативного иврита создают существенные трудности при выборе переводческих эквивалентов. Задачей переводчика является не только перевод определенного высказывания, но и подбор таких лексических единиц, которые полностью отражали бы стилистические особенности автора оригинала, и при этом не были слишком вульгарными в языке перевода.

Узус современного иврита развивался в условиях, когда норма не имела четкой границы. И поэтому для установления нормы обращались не только к текстам тысячелетней давности, но и к современному речевому употреблению. Нормой в первые десятилетия возрождения современного иврита, которая и сегодня используется Академией языка иврит, была Тора. С самого начала возрождения речевой функции иврита (80-е годы XIX ст.) из-за целого ряда объективных социально-исторических, культурных, этнических факторов язык возрождался в основном как бытовой, разговорный со значительно ослабленными и заниженными формами фиксированного синтаксиса, аморфными правилами пунктуации, сниженным уровнем инвективности и значительным объемом сленговой лексики [4, с. 117]. В связи с этим ведущие израильские филологи, понимая неизбежность изменений традиционных норм иврита, призывают не отрываться от классических еврейских духовно-культурных источников. В этом аспекте характерна позиция авторитетного израильского

лингвиста, члена Академии языка иврит профессора Аарона Мирского. Он призывал в своих статьях и выступлениях: «Возрождая иврит, невозможно отрываться от источников – Танаха, Талмуда, мидрашей, произведений еврейских религиозно-философских авторитетов, таких как, Раши и Маймонид» [4, с. 118]. Вместе с тем, он не поддерживал суровую позицию тех многочисленных «пуристов», которые категорично выступали против иноязычных заимствований и вообще были против любых нововведений в язык.

В современной прозе на иврите сложно четко отделить лексические единицы, выступающие как норма, от лексических единиц сленга. Такие нестойкие позиции нормативного иврита создают существенные трудности в выборе переводоведческих эквивалентов. Приведем примеры использования мотивированных переводческих трансформаций. На наш взгляд эти трансформации являются результатом оптимального варианта, который максимально объединяет два условия эквивалентного перевода – сохранение содержания и авторского стиля оригинала и соответствие нормам языка перевода: *אי ש שקרן* (*Трепло*). В данном примере переводчик добавляет к содержанию текста-оригинала только то, что обусловлено лингвоэтническими расхождениями между коммуникантами, т.е. в обох текстах используется сленговая лексика [7;11].

Правда, один раз, возвращаясь из киношки... האמת היא שפעם, כשחזר בערב מסרט

Он рассказывал Уди такие истории, что можно было просто сдохнуть הוא סיפר לאודי סיפורים שאפשר היה למות.

Во втором случае переводчик вносит коррективы в перевод, в том случае, если речевые клише в тексте перевода имеют не эквивалентное влияние с точки зрения речевой коммуникации при восприятии текста-перевод.

4. Расхождение пресупозиционных (преинформационных) запасов носителей языка оригинала и перевода. В отечественной лингвистической традиции пресупозиция понимается как один из экстралингвистических факторов, который в совокупности с интралингвистическим фактором, создают предмет

коммуникативной лингвистики. Она отражает тезаурус коммуникантов, т.е. их культурную, научную и образовательную компетенции. Понимание художественного произведения, его интерпретация во многом базируются на пресупозиции. Преинформационные запасы, носящие лингвистический характер, это, прежде всего, сведения культурно-исторического характера, фоновые знания, знания реалий страны. Мы предлагаем такую трактовку пресупозиции: пресупозиция – это совокупность фоновых и лингвистических знаний коммуникантов, необходимых и достаточных для понимания смысла высказывания. Кроме того сама по себе лингвистическая пресупозиция является дополнительным способом организации и понимания текста на основе верно построенных предположений о знании предмета коммуникации. При лингвистическом анализе текста важно связать языковое явление с ситуативным или метаязыковым контекстом. Проанализировав языковые индексы восточнославянских языков и иврита, мы выделили основные способы контекстуального воссоздания текста на основе пресупозиции:

1) использование артикля, указательных местоимений, местоименных суффиксов, которые обуславливают содержание текста и могут быть понятны только благодаря связи слов с содержанием предыдущего текста.

У моего порога... [8, с. 34]

ליד שער ביתי [24 'ע ,10]

я поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку [8, с.34]

התרוממתי על בה ונותי כדי לנשק לו על לחיו [24 'ע ,11]

2) наличие фоновых знаний и знание реалий является необходимым условием для понимания текста. Это обусловлено тем, что для понимания и порождения любого иноязычного текста необходим куда более широкий контекст, нежели только вербальный. Т.е. даже в том случае, когда языковой барьер снят (текст переведен на язык иноязычного адресата) внеязыковой контекст играет существенную роль для раскрытия и передачи значения вербального высказывания. При этом под термином «контекст» следует понимать «всю совокупность знаний о мире – знаний, принадлежащих как субъекту высказывания, так и его адресату» [9, 87]. Перводчик должен предвидеть возможное

отсутстве фоновых знаний, не понимание реалий и невозможность проникнуть в контекст произведения адресатом перевода. Задача переводчика – дать возможность читателю преодолеть этот барьер не понимания. Приведем пример из романа А. Оза «Мой Михаэль» (перевод – В. Радуцкого).

Я тогда была вольнослушательницей Еврейского университета; в те дни лекции все еще читались в «Терра Санта»... Здание «Терра Санта» - бывший монастырь, арендованный Еврейским университетом, поскольку дорога к корпусам на горе Скопус оказалась отрезанной [8, с. 9].

הייתי סטודנטית מחוץ למניין באוניברסיטה העברית, בימים שבהם נערכו הרצאות בבנין טרה-סנטה... בנין טרה-סנטה הוא מנזר נוצרי שהושאל לאוניברסיטה העברית לאחר שנחסמה הדרך אלהבנינים בהר- הצופים [11,5].

В заключении необходимо отметить, что переводческая деятельность должна быть направлена на преодоление лингвоэтнического барьера. Действия, направленные на нейтрализацию факторов лингвоэтнического характера, создают определенную иерархию. Для выделения такой иерархии необходимо описать все составляющие лингвоэтнического барьера. Первая составляющая: лингвоэтнические факторы (языковые, т.е. расхождение языковых систем и языковой нормы, и культурноязыковое расхождение узусов) и вторая: экстралингвистические факторы (расхождение культурно-исторических преинформационных запасов, расхождение относительно нейтральных преинформационных запасов, расхождение культурно обусловленных оценок). Из двух составляющих наиболее сложной для переводчика современной ивритоязычной литературы является именно вторая. Она обуславливает моменты культурологического непонимания, разного отношения носителей языка оригинала и реципиентов перевода к одним и тем же экстралингвистическим явлениям, что в определенной степени отражается на эффективности двуязычной коммуникации.

Таким образом, выделение из текста-оригинала художественного произведения таких составляющих как контекст, пресупозиция, фоновые знания становится необходимым условием для создания эквивалентного оригиналу текста-перевода.

Библиография

1. Е.А. Аршавская. Национально-культурная форма существования коммуникативной компетенции // Культура. Общение. Текст. М., 1988. С. 26 – 40.
2. Л.Л. Нелюбин. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003. С. 318.
3. Н.И. Шпекторова. Языковая норма в современной израильской художественной литературе // Язык иврит: исследование и преподавание. Выпуск 6. М., 2002. С. 183 – 196.
4. А.А. Крюков. Краткая история возрождения разговорного иврита. М., 2003. С. 131.
5. А.А. Крюков. Феномен «нового иврита» в Израиле // Язык иврит: исследование и преподавание. Выпуск 6. М., 2002. С. 7 – 29.
6. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. Язык и культура. М., 1990. С. 246.
7. Э. Керет. Рассказы. – К.: Дух і літера, 2004. С. 44.
8. Р.М. Фрумкина. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. С. 82 – 89.
9. А. Оз. Мой Михаэль / Пер. с иврита В.Радуцкий. – М.: НИП «2Р», 1994. – 302 с.

10. אתגר קרת. סיפורים. – קייב, 2004. – ע' 43

11. עמוס עוז "מיכאל שלי". – תל אביב, 1968. – ע' 198